

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1232-1242. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1232
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Legal Position of Old Believers in the Context of Legislative Initiatives of the Russian Empire in the last third of XIX – early XX century

Petr K. Dashkovskiy^{a, *}, Vsevolod N. Iljin^b

^a Altai State University, Russian Federation

^b Altai branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation

Abstract

The article analyzes in detail the legal framework, as well as some archival documents reflecting the activities of the old believers in the system of state-confessional relations of the Russian empire in the second half of the nineteenth century. It focuses on the analysis of changes in the position of believers in connection with the adoption of laws of 19 April 1874 and 3 May 1883. Despite the apparent liberality of these laws in general, they were partial and limited character, and in fact did not give the old believers a broad civil and religious liberties for which they had hoped. During the reporting period, the state remained the only acceptable way of solving "the old believer question," only the integration of the old believers with the state of the Russian Orthodox Church, which effectively meant the subordination of the latter and erasing the confessional specifics of the old believers. At the same time, new legal regulations have had some positive moments, since it doesn't included the forbidden or the more punishing nature. Legislative resolution of 1874 and 1883 actually demonstrated that the state patronizes and equally protects the personal civil rights of believers, as his other subjects, however, it was stressed that the government does not recognize "separatist" wing special legal class.

Keywords: old believers, religious state policies, the Russian empire, right.

1. Введение

Церковный раскол, произошедший в середине XVII века, имел гораздо более глубокие и серьезные последствия, чем это казалось современникам той эпохи. Он разделил не только русскую церковь, но и общество, государство, культуру и саму историю. Административно-силовые методы решения «старообрядческого вопроса» в первые два столетия после раскола не дали для государственной власти положительного результата. Кроме того, старообрядцы стремились сохранить основы общественного и государственного устройства, которое базировалось на традиционном народном православии. Очевидно, что во второй половине XIX в. возник вопрос о правовом положении многомиллионного старообрядческого контингента российских подданных в обществе. Изучение данной темы может способствовать пониманию развития идентичности многоконфессиональной России и реализации государственно-конфессиональной политики в стране.

2. Материалы и методы

Данное исследование основывается на нескольких группах источников. Первая – представлена различными архивными документами, хранящимися в Государственном архиве Томской области и Государственном архиве Алтайского края. Вторая – включает законы, сосредоточенные в Своде Законов Российской империи. Третья – представлена материалами периодической печати

* Corresponding author

E-mail addresses: dashkovskiy@fpm.asu.ru (P.K. Dashkovskiy), vse-ilin@mail.ru (V.N. Iljin)

рассматриваемого периода. Изучение архивных документов и нормативно-правовых актов позволило выявить правительственную правовую тенденцию в уголовно-правовой охране интересов официальной Русской православной церкви от старообрядчества. Определенная часть нормативно-правовых актов содержалась в специальных законодательных подборках и сборниках.

Данное исследование осуществлялось с использованием таких специальных методов познания, как сравнительно-правовое, сравнительно-историческое, формально-юридическое. Сравнительно-правовой метод исследования был применен при сравнении законов 19 апреля 1874, 3 мая 1883 годов с действующими законами в отношении правового положения старообрядческих браков и религиозно-обрядовой жизни староверов, представленных в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных. Сравнительно-исторический метод позволил сделать вывод о либеральности анализируемых законов в сравнении с аналогичными законами предшествующего периода. Кроме того, был сделан вывод, что при определенной либеральности отдельных норм права принципиального изменения государственной позиции в отношении старообрядчества не произошло. Благодаря данному методу стало возможным объяснить причину и природу появления в свет данных законов. Формально-юридический метод позволил определить важные юридические понятия в законодательстве рассматриваемого периода и объяснить действующие нормы права.

В работе в определенной мере был использован цивилизационный подход, поскольку формирование правовой системы обусловлено спецификой культурно-исторического развития России. К особенностям развития страны можно отнести одновременно ее поликонфессиональность и вместе с тем доминирующую роль государства во всех сферах общественной и религиозной жизни.

3. Обсуждение

За более чем 300-летнюю историю существования церковного раскола и старообрядчества накопилось значительное количество публикаций по данной проблематике. Однако вопрос правового положения старообрядчества в Российской империи, в т.ч. во второй половине XIX – начале XX вв. до настоящего времени является мало изученным. Основным интерес к данному вопросу возник именно в период активизации общественно-политической мысли во второй половине XIX в., что было обусловлено необходимостью наделяния староверов некоторыми правовыми послаблениями. Соответственно, среди авторов работ, посвященных данной проблеме в дореволюционный период, представлены не только исследователи-историки и юристы, но и специалисты-практики. Стоит выделить работу юриста А.М. Бобрищева-Пушкина «Суд и раскольники-сектанты», в которой были рассмотрены законы, служившие основанием для уголовного преследования противников господствующей церкви и отступников от православия, а также применение этих законов в судебной практике. А.М. Бобрищев-Пушкин (1902) заявлял о неоправданной разнице между терминами «раскольники от рождения» и «тайные раскольники», подводя к вопросу о степени состоятельности либеральных законов второй половины XIX в. Исследователь приводил большое количество примеров, возникших правовых казусов по всей империи, доказывая бесплодность попыток светских властей вести борьбу с таким явлением, как «отпадение в раскол», из-за противоречивости законодательства. Правовому положению старообрядцев посвящены труды юриста А.Ф. Кони, которые явились отражением его судебной практики. Важный вклад внесли работы А.В. Лохвицкого (Курс, 1871), М.А. Рейснера (1905), Т.В. Барсова (1885) и др. Так, М.А. Рейснер полагал, что религиозный вопрос должен решаться в плоскости конфессиональных органов, а не светских. Важно отметить, что взгляды и выводы этих исследователей относительно «старообрядческого вопроса» и вопроса свободы совести в целом были весьма прогрессивны и пропитаны духом гражданских прав. В целом же дореволюционная историография исследуемой проблемы либо была разрозненна по отдельным правовым аспектам, либо вопрос касался, как правило, всего «раскола» и всех существующих в России религий.

Отечественная историография советского периода развивалась в рамках влияния соответствующей идеологии и методологии исторического познания. Церковный раскол в социальной истории рассматривался сквозь призму классового подхода, в рамках которого старообрядчество интерпретировалось историками как форма антифеодального протеста (Карцова, 1971). С конца 1960-х гг. появились работы, непосредственно затрагивающие проблематику статьи (Катунский, 1972; Миловидов, 1969 и др.). В данном случае особо необходимо выделить так называемую новосибирскую школу Н.Н. Покровского, представленную трудами Т.С. Мамсик (1987), Н.А. Миненко (1991). Выводы этих исследователей служат основой для дальнейшего изучения политики имперских властей в отношении староверов. Исследователи ставят под сомнение в историографии стереотип так называемой «политики либерализации государства по отношению к расколу» на протяжении всей истории существования старообрядческого вопроса. В целом для советской историографии характерна тенденция осуждения имперской политики, направленной на ограничение деятельности старообрядчества.

Со второй половины 1990-х гг. появляются работы, посвященные изучению преступлений против религии в контексте российского законодательства обозначенного периода. В данном случае в первую очередь стоит отметить работы В.В. Андрощука (2016), А.А. Сафонова (2017), О.П. Ершовой (1999). Вместе с тем, как правило, современные ученые рассматривают достаточно широкий спектр

государственно-конфессиональных отношений. В этой связи вопрос именно правового положения старообрядцев в контексте либеральных законов второй половины XIX – начала XX вв. требует более пристального изучения. Новизна данного исследования состоит в том, что законы о старообрядцах от 19 апреля 1874 года и от 3 мая 1883 года рассмотрены с позиции толкования права. Официальное (аутентичное, легальное, казуальное) и экспертное (профессиональное и научное) толкования обозначенных норм права позволили выявить их правовые коллизии, половинчатость и ограниченность, благодаря чему их реализация на практике приобретала искаженный характер. Данные региональных архивов смогли качественно дополнить вывод о расхождении понятий де-юре и де-факто анализируемых законов.

4. Результаты

До издания закона 19 апреля 1874 года отношение законодательства к старообрядчеству* было отрицательным. За его последователями фактически не признавалось право на существование, а правовые документы под страхом суровых наказаний всячески запрещали проявление данного религиозного течения (Волков, 1910: 371). Однако в 60-е гг. XIX в. ситуация в стране стала меняться, поэтому наделение старообрядцев определенными правами стало неизбежным. Это обстоятельство и послужило основой издания двух либеральных законов – от 19 апреля 1874 года и 3 мая 1883 года.

Правовое положение старообрядцев XIX в. отражено в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (далее – Уложение). Вся масса преступных деяний разделена Уложением на 11 групп. Первой группой по порядку изложения и по значимости являются преступления против веры, после которых уже обозначены преступления государственного характера и против порядка управления. Преступления против веры поставлены выше всех других вследствие того, что религиозные интересы издавна получили первостепенное значение. Еще в Уложении царя Алексея Михайловича в первой главе написано «о богохульниках и церковных мятежниках» (Тихомиров, 1961: 70). В XVII в. под богохуление было подведено всякое отступление от признанной церковью нормы (догмы), колдовство, суеверие, которые карались страшной казнью – сожжением. Активно практиковалось сожжение богохульников в правление царевны Софьи (Акты, 1836: 420).

В XIX в. публичное богохуление также считалось тяжким преступлением и представляло большую опасность для общественного порядка, на что особое внимание обращал известный юрист А. Лохвицкий (Курс, 1871: 291). Следует отметить, что в Уложении нет статьи, специально посвященной определению богохуления, хотя само оно начинается с характеристики богохуления в целом (Уложение, 1867: 55). Статья №176 составляет воспроизведение, с некоторыми изменениями и дополнениями, первой статьи Уложения царя Алексея Михайловича. Эта статья записана так: «будет кто иноверцы какия нибудь веры, или и русский человек возложит хулу на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, или на родшую Его Пречистую Владычицу нашу Богородицу и Присно-Деву Марию, или на честный крест, или на святых его угодников, и про то сыскивати всякими сыски накрепко, да будет сыщется про то до прямо, и того богохульника, обличив, казнити, сжечь» (цит. по: Тихомиров, Епифанов, 1961: 70). Следующая 177 статья Уложения за те же деяния с целью «поколебать веру», совершенных не публично на каких-либо собраниях, но при свидетелях, предусматривает ссылку осужденного на поселение в Сибирь. Статья 178 также предупреждает о наказаниях тех, кто станет публично «порицать христианскую веру или православную церковь...» (Уложение, 1867: 56). По закону нет четкого определения понятия «с намерением поколебать веру или произвести соблазн» и «порицать христианскую веру или православную церковь». Однако закон признает за преступление не богохуление вообще, а только хуление Бога в смысле христианского православного. Отсутствие четкого определения богохуления в последующих законах о старообрядцах также весьма показательно.

Следует отметить, что до закона от 19 апреля 1874 г. старообрядческие браки не признавались. Венчание в официальной церкви для старообрядцев было невозможно, т.к. по условиям закона им «пред венчанием надлежит дать присягу быть в православии твердыми и с раскольниками согласия не иметь» (СЗРИ, 1857: Т. X. Ст. 33). К детям от этих браков не применялись гражданские законы о наследстве. Кроме того, сами дети старообрядцев считались законными лишь после своего присоединения к православию или единоверию при жизни родителей, вместе с одним из них или после смерти одного из них. По этому поводу в свое время хорошо высказался известный российский юрист, государственный и общественный деятель А.Ф. Кони. Он писал, что непризнание браков между старообрядцами не только выводило их семейный быт из сферы применения законов, но и пагубно сказывалось на их нравственности (Кони, 1905: 689).

Архивные документы по деятельности старообрядцев в Западной Сибири содержат много указаний на то, что браки «раскольников» представителями светских и церковных властей именовались «незаконными», «сводными». (ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 8. Л. 1-14; Д. 21. Л. 1-15; Д. 27. Л. 1-

* Старообрядцы официально именовались раскольниками, однако по сути своего явления термины «старообрядчество» и «раскол» не являются тождественными, поэтому далее в тексте термины «раскол» и «раскольник» употребляются в кавычках.

9 и др.). Они рассматривались властью как «особо вредное проявление раскола», представлявшее собой его публичное доказательство и, таким образом, пагубно влияющее на общественную нравственность (ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 113. Л. 16. Д. 95. Л. 3). Исходя из данных заключений, государство вынуждено было принимать специальные меры для устранения «блудных» старообрядческих браков (ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 113. Л. 16. Д. 66. Л. 5-23. Д. 69. Л. 1-4). Периодические издания тех лет отмечали, что ликвидация таких браков носила порой весьма драматичный характер. Это связано с тем, что у старообрядцев, вступивших в брак по своим традициям, фактически забирали жен и отправляли их к родителям. Кроме того, за такими старообрядцами устраивался еще волостной надзор (Гонения на раскол, 1878). В подобном сложном положении накануне 1874 г., по официальным данным, находилось в Российской империи 11 миллионов старообрядцев (Боровиковский, 1873). Государство вынуждено было учесть сложившуюся ситуацию, в связи с чем 19 апреля 1874 г. был издан закон, который разрешал старообрядцам совершать браки гражданским порядком. При этом регистрация браков должна производиться в особых метрических книгах в управлениях полиции. Благодаря такому нововведению, браки старообрядцев приобретали легитимность в юридическом отношении (Миловидов, 1969: 59). Однако данный закон также содержал в себе ряд противоречий. Например, статья 17 указанного закона гласила, что, прежде чем записать брак в метрическую книгу, оба супруга должны предоставить письменное уведомление о том, что они являются старообрядцами с момента рождения. Однако воспользоваться таким правом могла только лишь незначительная «официальная» часть старообрядцев. Это связано с тем, что большинство старообрядцев не могло подтвердить, что они с рождения «раскольники» (Ильин, 2016: 9). В личном фонде известных краеведов Западной Сибири С.И. Гуляева и Н.С. Гуляева относительно данного юридического казуса есть интересная записка. В ней краеведы отмечали, что введение правила фиксации браков и детей вновь обострило религиозную ситуацию и подтолкнуло «раскольников» к продолжению противостояния. Это было связано с тем, что местные власти часто отказывали старообрядцам в регистрации в казенных метрических книгах, если они уже были записаны в церковно-приходских как православные (ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 229. Л. 60а).

Нужно подчеркнуть, что браки старообрядцев с православными или даже с «раскольниками» не от рождения не могли быть признаны законными (СЗРИ, 1857: Т. X. Ст. 33). Если жених или невеста принадлежали к православному исповеданию, то при вступлении в брак с лицами иных христианских исповеданий должна была соблюдаться статья №67 того же закона, согласно которой венчание обязательно должно совершаться православным священником в православной церкви. Таким образом, браки староверов с никонианами или староверами не от рождения, совершенные старообрядческим священнодействующим лицом, считались незаконными и недействительными. Кроме того, само деяние совершения такого рода браков рассматривалось как преступное. Однако закон не признавал «вероисповедной иерархии раскола», и потому возникал вопрос: «Сам акт указанного священнодействия может ли быть действительным и преступным?» В отношении лиц иных христианских исповеданий, где за священнодействующими лицами признаны духовный сан или звание, подобные акты являлись действительными, поэтому преступны, т.к. запрещены законом. Однако за старообрядческими священнодействующими лицами были не признаны духовные звания, а значит, эти лица являются частными, т.е. не приемлемыми ни при каком исповедном священнодействии по отношению к уголовно-гражданской ответственности. Таким образом, акт совершения брака между старообрядцами и никонианами или старообрядцами не от рождения, хотя и преступен сам по себе, но де-юре наказуемым признать его нельзя из-за непризнания самого старообрядческого исповедания и соответственно из-за отсутствия субъекта, подлежащего наказанию. Если совершение брака представителя синодальной церкви с «раскольником» по старообрядческим обрядам есть деяние ненаказуемое, как за акт самого совершения брака, то наказуемо ли оно, как за акт соращения православного в «раскол»? В этой связи стоит напомнить, что в 1839 г. за совершение браков православных с «раскольниками» без присоединения последних к официальной церкви предписывалось даже свидетелей браков привлекать к суду и поступать с ними как с совратителями. По статье 196 Уложения и дополнению к ней по закону от 1 мая 1884 года виновных в распространении своего же учения подвергали наказанию за «соращение в раскол» лиц православного исповедания при наличии активных действий в виде проповеди или склонения и привлечения. Закономерно возникает вопрос: «Может ли брак, совершенный по любви, по взаимному согласию вступающих в него людей, квалифицироваться как «соращение в раскол»? И это при явном отсутствии условий для такого соращения, обозначенных законом. Юридическую противоречивость законодательства по данному вопросу смог доказать сенатор А.Ф. Кони, когда в кассационном порядке по одному судебному делу старообрядца Сенатом было принято решение считать брак законным. Законность брака удалось доказать на основании того, что он был заключен по взаимному согласию и с освещением, несмотря на то, что в метрических книгах полиции он не зафиксирован (Мельников, 1999: 380).

Важно обратить внимание на мнение современника тех событий Н. Кувайцева относительно совершения брака между «раскольником от рождения» и «раскольником не от рождения». Он отмечал, что привлекать к ответственности старообрядческое священнодействующее лицо за

деяние бракосочетания как за акт соращения по меньшей мере странно, т.к. «совращать совращенного – очевидно невозможно» (Кувайцев, 1886: 776).

Таким образом, указанный закон не смог решить проблемы старообрядческих браков, поэтому большая часть раскольников осталась бесправна. Старообрядческие браки, не отраженные в метрических книгах, с точки зрения права были незаконными. В данном случае существует значительное количество архивных данных, в которых содержатся прошения старообрядцев в разные государственные структуры с просьбой узаконить их браки (ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 1402. Л. 1-8. Д. 1445. Л. 1-5).

Закон от 3 мая 1883 года дал старообрядцам права в объеме, точно выраженном в самой формулировке закона, – «некоторых прав...». Относительно гражданских прав (прав собственности, торговли, промыслов, внутренней миграции) этот закон практически уравнивал староверов с остальными жителями Российской империи. Однако важно отметить, что вся либеральность данной части закона обусловлена была очевидной экономической конъюнктурой, в которой старообрядцы смогли достичь значительных успехов. В области религиозно-обрядовой стороны старообрядцев закон оказался весьма противоречив. Это связано с тем, что авторам закона предстояло осуществить невозможное: наделить старообрядцев религиозными правами и при этом не ущемить интересов государственной церкви.

В данном случае примечательно, что статья 5 закона от 3 мая 1883 года гласила, что старообрядцам дозволялось совершать богослужение как в частных домах, так и в религиозных зданиях. Однако при этом не должен был нарушаться общественный порядок (Введенский, 1912: 19). Обратим внимание на то, что термин «дозволяется», упоминаемый в законе, дает повод поставить вопрос: «Признается ли само исповедание веры или только дозволяется творить общественную молитву»? Статья 45 Свода Законов Российской империи (1857: Т. 1. Ч. 1) утверждает, что первенствующей в Российской империи является официальная русская Православная церковь. Однако «все, не принадлежащие к господствующей Церкви подданные Российского государства, природные и в подданство принятые, также иностранцы, состоящие в российской службе или временно в России пребывающие, пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной. Сия свобода веры присвоается не токмо христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам: да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языками по закону и исповеданию праотцев своих...» (Барсов, 1885: 201). Из этого ясно следует, что если старообрядцам «дозволяется» славить Бога по исповеданию предков, то тем самым признается и самое исповедание за ними по их обрядам. Соответственно возникает вопрос, которым были озадачены теоретики и практики юридической мысли той эпохи: «Каким исповеданием считать старообрядчество – христианским или каким-то другим»? Обратившись к дополнению ст. 196 Уложения (по закону от 1 мая 1884 г.), в котором указано, что «раскольники за привлечение и склонение православных в свою ересь наказываются так же, как лица иного, хотя и христианского исповедания», Н. Кувайцев сделал заключение, что старообрядчество относится к иным христианским исповеданиям. Таким образом, получалось, что старообрядческое исповедание признавалось христианским, а значит, оно было признанное и покровительствуемое законом (Кувайцев, 1886). Однако по закону от 3 мая 1883 года статья 10 гласила, что религиозные деятели старообрядцев не должны подвергаться преследованию. В то же время закон оговаривал, что такими священнослужителями не признается духовное звание и сан (ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3154. Л. 1). Продолжая логику рассуждений Н. Кувайцева, следует отметить, что принять христианское исповедание без иерархии оказывалось невозможно. В результате вопрос о принадлежности старообрядчества к христианскому исповеданию оставался не только не разрешенным новыми законами, но и еще более запутанным. Важно также отметить, что в правовом пространстве старообрядцы относились к раскольникам, сектантам, ереси. Раскол и ересь были не определены точно в уголовном законодательстве Российской империи, хотя, озаглавливая 4 отделение 2 раздела словами «О ересьях и расколах», оно признавало их отличие, не имея твердого легального основания для различения этих понятий. Д.В. Чичинадзе писал, что в правовом поле России к ереси относилось любое «лжеучение» (Чичинадзе, 1899: 94). В числе ересей означено и скопчество, о котором существуют в Уложении специальные постановления. Раскольниками изначально называли тех православных, которые не признали нововведений патриарха Никона. Великий собор 1667 года отлучил их от церкви. В то время как иноверцы, даже нехристиане пользовались свободой богослужения, раскольники были лишены этого, а также ряда гражданских и политических прав. Под расколом сначала подразумевали старообрядчество. Однако позже стали раскольниками именовать всех без разбору, включая скопцов, хлыстов. Таким образом, новые законы в судебной практике и практике жизни создали для старообрядцев немало недоразумений.

Нужно подчеркнуть, что реализация статьи №5 закона от 3 мая 1883 г. на практике была ограничена последующими статьями №6 и №8 того же закона. Согласно этим статьям указывалось, что старообрядческие сооружения не должны менять внешний облик в процессе ремонта здания или возобновления его функционирования как религиозного объекта, если сооружение использовалось ранее для других целей. Эта работа была возможна лишь с разрешения органов власти региона, как

правило, губернатора. В тех регионах, где старообрядцы не имели ни часовен, ни молитвенных зданий, разрешалось использовать для религиозных целей другого типа здания. Однако для этого требовалось разрешение министра внутренних дел, которое было не просто получить. При этом строение не должно было иметь внешний вид храма и колоколов (Смирнов, 1905). Светские власти каждый раз запрашивали мнение церковных властей по данному вопросу. Однако их ответ всегда был однозначно не в пользу старообрядцев (ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2702. Л. 1, 4, 15; Д. 3195. Л. 1, 8, 10; Д. 3241. Л. 29, 32 и др.). В то же время важно отметить, что сохраняла законную силу и статья №206 Уложения о наказании, по которой не разрешалось создание скитов. Постройка нового молитвенного дома или превращение в него обычного жилого дома без разрешения министра внутренних дел для старообрядцев могло закончиться тюремным сроком от 4 до 8 месяцев. Само здание в этом случае подлежало уничтожению (СЗРИ, 1900: Т. XV. Ст. 206). При этом происходила конфискация религиозных принадлежностей: книг, икон и т.д. Отсюда возникали существенные недоразумения: местные власти арестовывали и опечатывали частные квартиры староверов только потому, что в них проходили богослужения и внутренняя обстановка была похожа на молитвенный дом. Законом также не было определено, что понимается под словами «частный дом» и «молитвенное здание». В результате ничтожное недоразумение порождало следственные дела со всеми вытекающими последствиями.

Статья №11 закона от 3 мая 1883 года гласила, что старообрядцам запрещалась публичная демонстрация своего вероисповедания через крестные ходы и процессии в церковных облачениях, публичное ношение икон, пение на улицах. Кроме того, раскольникам было запрещено использовать вне домов и молитвенных зданий религиозное одеяние (ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 198. Л. 197). Эта статья так же, как и другие, существенно ограничивала свободу веры старообрядцев. Под свободой веры закон подразумевал: 1) свободное исповедание веры и отправление богослужения; 2) свободную перемену веры по внутреннему убеждению; 3) свободу пропаганды; 4) основание нового вероучения. Нужно подчеркнуть, что второй и третий вид свободы существовали только для государственной православной церкви. Первый вид – для всех остальных, кроме старообрядцев, что доказывает указанная выше статья №11. Свободная перемена веры по внутреннему убеждению была возможна только в одностороннем порядке, т.е. в официальное православие. Переход из официального же православия в старообрядчество был недопустим и квалифицировался однозначно как «совращение в раскол» (СЗРИ, 1900: Т. XIV. Ст. 36). Еще по Уложению Алексея Михайловича за совращение в раскол назначалась смертная казнь, а совращенных ссылали к духовным отцам для исправления. Во второй половине XIX в. за совращение из православия в «раскол» «совратитель» наказывался ссылкой. «Совращенного» отправляли к духовным лицам своей веры для исправления. Срок исправления при этом не был конкретно определен. От духовной власти зависело признать обращение или усомниться в искренности, а следовательно, увещиваемое лицо могло быть целые годы в отдаленном монастыре, куда обычно ссылали для увещивания. Такое пребывание мало чем отличалось от тюремного заключения. Важно отметить, что не только совращение, но и покушение на него (пропаганда, обращенная к православным людям) было запрещено. За нарушение этого правила могла последовать ссылка в Сибирь. Нужно также обратить внимание на то, что в статье №190 Уложения говорилось о наказании родителей, которые будут крестить детей своих или приводить к другим таинствам другого христианского вероисповедания. За это их могли подвергнуть тюремному заключению, а детям назначить опекунов. Это относилось и к детям, рожденным в православном браке, хотя родители впоследствии и перешли в «раскол». В данном случае уголовное законодательство поступки родителей интерпретировало как «совращение в раскол» совершеннолетнего. Закон не давал четкого определения понятию «совращение». В результате толкования данного термина духовным начальством, разделяемое иногда и судами, выходило далеко за пределы истинного и соответственного смыслу закона. Простое уговаривание, не сопровождаемое никаким нравственным давлением или принуждением и даже не имевшее своим последствием отпадение от православия, нередко считалось совращением. Расплывчатость формулировки позволяло имперским представителям светской и церковной власти более активно привлекать старообрядцев к юридической ответственности. Так, к примеру, в Томской духовной консистории в 70-е годы XIX в. рассматривалось более 50 дел по факту перехода из официального православия в «раскол», что, естественно, означало наличие как лица «совращенного», так и «совратившего» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 395, 416, 434, 452, 467, 481, 491, 512, 493, 514, 541, 553, 557, 607, 630, 655, 831, 989, 1272, 1367, 1371, 1375, 1386, 1393, 1424, 1432, 1499, 1522, 1694, 1710, 1715, 1720, 1721, 1770, 1785, 1840, 2327, 2445, 2457, 2473, 2478 и др.). Аналогичные дела рассматривались Томской духовной консисторией и в 80-е гг. XIX в. (ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3008, 3006, 3005, 2990, 2981, , 2956, 2955, 2936, 2915, 2825, 2826, 2806, 2785, 2773, 2730, 2700, 2701, 2652, 2655, 2643, 2568, 2550, 2517 и др.). При этом «лжеучение», основы которого излагал такой «совратитель», определялось общим названием, не только ничего не говорящим о существовании «ереси», но нередко и содержащим в себе противоречивые между собою термины. В этой связи примечательно отметить, что А.Ф. Кони приводил примеры из судебной практики, когда судили за совращение в ересь без указания на то, в чем она состоит. Другой пример был связан с тем, что консистория требовала преследования за

отпадение в ересь, а судебная же власть возбуждала дело о совращении в другую ересь. Сенатор также не признал тот факт, что «под совращение подводилось воспитание малолетних детей в вере родителей, принадлежащих по убеждению совести к старообрядчеству» (Кони, 1905: 25). Не случайно А.Ф. Кони писал о большом количестве судебных недоразумений. Доктор права А. Лохвицкий в своем труде «Курс уголовного права», изданном в 1871 г., определял совращение как «действия активные, когда лицо отвлекающее убеждает, угрожает...». При этом если человек на основе своих размышлений, личного опыта сменит вероисповедание, то это не стоит рассматривать как совращение (Курс, 1871: 308). Нужно также особо указать на статью №196, которая предусматривала лишение всех прав и состояний лиц, которые обвинялись в создании новых «сект» или в распространении существующих «ересей и расколов». Такие лица подлежали ссылке из Европейской России в Закавказский край и в Сибирь, причем в наиболее отдаленные места. В данной статье говорилось не о совращении кого-либо, а о распространении раскола. Первое явление характерно для единичного факта, второе – для нескольких фактов, т.е. прослеживается систематичность. Ссылка в Закавказский край «раскольников» не случайна. Это связано с тем, что частые ссылки старообрядческих лидеров в Сибирь привели к распространению этого движения в обширном регионе. В то же время распространение старообрядчества в Закавказье среди грузин, татар и черкесов, по мнению государственных органов, было маловероятным.

Важно подчеркнуть, что в основе закона 1883 г. лежала идея, согласно которой «раскол», как религиозная община, не являлся явлением нормальным, а значит, не мог пользоваться покровительством государственных законов. При этом подчеркивалось, что закон покровительствует и одинаково охраняет личные гражданские права «раскольников», как и других подданных, но не признает в «раскольнических» толках особенного законного сословия или общества. Более того, государство только терпело проявления религиозной жизни, признавая их как факт, но, не придавая им правового значения.

В целом можно отметить, что русское право, замыкая все духовные общества в узко национальные пределы, поставило над всеми этими национальными союзами право прозелитизма господствующей церкви. Последняя в свою очередь была сама национальна и являлась лишь орудием в руках государственной политики. Отсюда логично вытекает и категорическое запрещение отступать от православной веры и принимать иную веру, хоть и христианскую. Светский закон, ввиду того, что русский монарх мог быть только православным, разрешал активную миссионерскую работу только Русской православной церкви. При этом государство стремилось всячески помочь православным миссионерам (Бобрищев-Пушкин, 1902: 6). Русская православная церковь имела национальный принцип. Отношение русского права к старообрядцам построено по этому принципу, где мотив религиозный уступает мотиву национальному. Все теоретики и практики правовой мысли XIX в. единодушны в выводе, что старообрядчество в правовом отношении фактически имело ниже статус не только по отношению к исламу, буддизму, протестантизму и католицизму, но и по отношению к язычеству. Между тем с православной богословской точки зрения все наоборот. С националистической точки зрения подобное отношение вполне объяснимо, поскольку раскол отрицает русское народное значение за официально признанной государственной верой и смешивает религию и народность (Рейснер, 1905: 195). В результате два религиозных направления претендовали на исключительный статус национальной религии русского народа. Исходя из данной парадигмы, очевидно, что наделение старообрядцев правами в полной мере невозможно было политически, что объясняет всю половинчатость и по сути несостоятельность либеральных законов второй половины XIX в. Подтверждением этого также служит фрагмент письма К.П. Победоносцева Н.И. Субботину: «Верховная власть, являющаяся защитником догматов господствующей веры, не может поставить в равные условия свободы как Православную церковь, так и учения, прямо ей враждебные» (Чтения, 1914: 154). Таким образом, правительство довольно определенно свидетельствовало, что старообрядчество, проповедующее враждебное по отношению к государственной церкви учение, не могло пользоваться свободой в государстве.

Сложившееся в стране отношение к старообрядцам как к злоумышленникам, которые стремились подорвать основы государства, было весьма негативным. В этой связи отметим, что наделение старообрядцев определенными правами произошло только в 1905 г. с принятием закона «О веротерпимости». Очень важный момент в «Высочайшем указе об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. содержался в 7 пункте, согласно которому термин «старообрядцы» вводился вместо термина «раскольники» для лиц, которые признают основные догматы церкви, но отрицают некоторые обряды и используют старопечатные книги (Высочайший указ, 1905). Следует подчеркнуть, что впервые юридически признавалось наименование «старообрядец». По данному указу вероучения четко дифференцировались на те, которые относились ранее к «расколу», на старообрядческие согласия, сектантство и изуверные. При этом уголовная ответственность сохранялась только за изуверными общинами. В соответствии с пунктом 12 открывались ранее закрытые молитвенные дома (Высочайший указ, 1905). Важно также указать то, что уже 16 апреля 1905 г. император отправил московскому генерал-губернатору телеграмму, в которой фактически указывал на необходимость предоставить старообрядцам возможность

свободного вероисповедания ([Пороховщиков, 1905: 4](#)). Примечательно, что в периодическом издании тех лет «Право» отмечалась значительная позитивная роль данного указа в области реализации принципов свободы совести в стране ([Право, 1905: 1354-1357](#)). 17 октября 1905 г. последовал Высочайший манифест об усовершенствовании Государственного управления, который устанавливал определенные гражданские свободы, в т.ч. в сфере религиозного мировоззрения ([Манифест..., 2010](#)). В осуществление этих основ ровно через год, именно 17 октября 1906 г., последовал и Высочайший указ правительствующему Сенату «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов» (2010). Для старообрядцев в России наступает период, длившийся до прихода к власти большевиков, который в отечественной историографии характеризуется «золотым веком».

5. Заключение

Таким образом, определенные послабления, сделанные во второй половине XIX – начале XX вв. в отношении правового положения старообрядцев, не могли в полной мере свидетельствовать о готовности государства и государственной церкви к полноценному диалогу. Обозначенные либеральные законы де-юре оказались несостоятельными, поскольку они не наделяли старообрядцев правами в силу своей половинчатости и ограниченности, а лишь предоставляли им некоторые более или менее значительные льготы. Ограниченность законов объясняется тем, что они были вызваны к жизни, скорее, духом времени, чем стремлением власти дать старообрядцам гражданские и религиозные свободы. Решение «старообрядческого вопроса» государство предлагало, по сути, только через интеграцию с официальной государственной церковью. В данном случае позиция власти второй половины XIX в. является неизменной составляющей предшествующей политической доктрины, провозгласившей борьбу с «расколом» задачей первостепенной важности. Вместе с тем стоит выделить следующие положительные моменты в отношении гражданских прав старообрядцев: они получили право иметь паспорта, заниматься торговлей и различными промыслами на основе соблюдения соответствующих постановлений. Кроме того, стоит отметить важный прогрессивный момент, который заключается в том, что рассмотренные законы уже не предполагали полного запрета вероисповедания старообрядцев, тем более не предусматривалось уголовное наказание за это.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках выполнения гранта РНФ по теме «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект №19-18-00023).

Литература

- [Акты, 1836](#) – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедицею императорской академией наук. Т. 4. 1645–1700. СПб. 1836. 500 с.
- [Андрощук, 2016](#) – *Андрощук В.В.* Преступления против религии по законодательству России конца XIX – начала XX вв.: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2016. 29 с.
- [Барсов, 1885](#) – *Барсов Т.С.* (сост.) Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания. Т. 1. СПб., 1885. XX, 663, CLXXVIII с.
- [Бобрищев-Пушкин, 1902](#) – *Бобрищев-Пушкин А.М.* Суд и раскольники-сектанты. СПб.: Сенатская Типография, 1902. 207 с.
- [Введенский, 1912](#) – *Введенский А.* Действующие законоположения касательно старообрядцев и сектантов. Одесса, 1912. 205 с.
- [Волков, 1910](#) – *Волков Н.Е.* Очерк законодательной деятельности в царствование императора Александра III. 1881–1894 гг. / Н.Е. Волков. СПб.: Типография А.Ф. Штольценбурга, 1910. IX, 372 с.
- [Высочайший указ, 1905](#) – Высочайший указ «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г. // «Слово Церкви» №15. 12 апреля 1915. С. 345-347.
- [ГААК](#) – Государственный архив Алтайского края.
- [ГАТО](#) – Государственный архив Томской области.
- [Гонения, 1878](#) – Гонения на раскол в Западной Сибири // *Неделя*. 1878. №38. С. 1234-1237.
- [Ершова, 1999](#) – *Ершова О.П.* Старообрядчество и власть. М.: Уникум-Центр, 1999. 204 с.
- [Ильин, Маракулин, 2016](#) – *Ильин В.Н., Маракулин Д.А.* Государственно-правовое решение старообрядческого вопроса в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. // *Алтайский юридический вестник*. №3, 2016. С. 7-12.
- [Карцов, 1971](#) – *Карцов В.Г.* Религиозный раскол как форма антифеодалного протеста в истории России. Ч. 1. Калинин, 1971. 159 с.
- [Катунский, 1972](#) – *Катунский А.Е.* Старообрядчество. М, 1972. 120 с.
- [Кони, 1905](#) – *Кони А.Ф.* Судебные речи. СПб. 1905. 808 с.

- Кувайцев, 1886** – *Кувайцев Н.* Новые законы о раскольниках // *Юридический вестник*. Т. XXI. Книга 4, апрель 1886, №4. С. 716-38.
- Курс, 1871** – Курс русского уголовного права / Лохвицкий А., д-р прав. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Скоропечатня Ю.О. Шрейера, 1871. 714 с.
- Мамсик, 1987** – *Мамсик Т.С.* Крестьянское движение в Сибири второй четверти XIX в. Новосибирск, 1987. 268 с.
- Манифест, 2010** – Манифест об усовершенствовании государственного порядка // История государственно-конфессиональных отношений в России (X – начало XXI веков): Хрестоматия. Часть I. X – начало XX вв. М.: Изд-во РАГС, 2010. С. 242-243.
- Мельников, 1999** – *Мельников Ф.Е.* Краткая история древлеправославной (старобрядческой) церкви. Барнаул, 1999. 557 с.
- Миловидов, 1969** – *Миловидов В.Ф.* Старобрядчество в прошлом и настоящем. М., 1969. 125 с.
- Миненко, 1991** – *Миненко Н.А.* Русская крестьянская община в Западной Сибири XVIII – первой половины XIX веков. Новосибирск: НГУ, 1991. 265 с.
- О порядке..., 2010** – О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов // История государственно-конфессиональных отношений в России (X – начало XXI веков): Хрестоматия. Часть I. X – начало XX вв. М.: Изд-во РАГС, 2010. С. 243-251.
- Пороховщиков А., 1905** – *Пороховщиков А.* Чем победили старообрядцы? М., 1905. 12 с.
- Право, 1905** – *Право*. 1905. 1 мая. Стб. 1354-1357.
- Рейснер, 1905** – *Рейснер М.А.* Государство и верующая личность: Сборник статей. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1905. 423 с.
- Сафонов, 2017** – *Сафонов А.А.* Государство и конфессии в позднеимперской России: правовые аспекты взаимоотношений. М.: Изд-во "Проспект", 2017. 352 с.
- СЗРИ** – Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. X. Ст. 33.
- СЗРИ** – Свод законов Российской империи. СПб., 1900. Т. XIV. Ст. 36.
- СЗРИ** – Свод законов Российской империи. СПб., 1900. Т. XV. Ст. 206.
- Смирнов, 1905** – *Смирнов П.С.* Новый пересмотр узаконений о правах раскольников // *Христианское чтение*. 1905. №2. С. 215-236.
- Тихомиров, Епифанов, 1961** – *Тихомиров М.Н., Епифанов П.П.* Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во МГУ, 1961. 414 с.
- Уложение, 1867** – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, с приведением статей других томов Свода законов, на которые сделаны ссылки и указания в этом уложении. М.: Типография Шюман и Глушкова, 1867. 623 с.
- Чичинадзе, 1899** – *Чичинадзе Д.В.* Сборник законов о расколе и сектантах, разъясненных решениями Правительствующего сената. СПб, 1899. 166 с.
- Чтения, 1914** – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1914. Кн. 1. 968 с.

References

- Akty, 1836** – Akty sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi Imperii arkhograficheskoiu ekspeditsiiu imperatorskoi akademiei nauk [Acts collected in libraries and archives of the Russian Empire by the archaeological expedition of the Imperial Academy of Sciences]. Т.4: 1645-1700. SPb. 1836. 500 p. [in Russian]
- Androshchuk, 2016** – *Androshchuk V.V.* (2016). Prestupleniia protiv religii po zakonodatel'stvu Rossii kontsa XIX – nachala XX v. [Crimes against religion under Russian law of the late XIX-early XX centuries]: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni k. iu. n. M. 29 p. [in Russian]
- Barsov, 1885** – *Barsov T.S. (sost.)* (1885). Sbornik deistvuiushchikh i rukovodstvennykh tserkovnykh i tserkovno-grazhdanskikh postanovlenii po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniia [Collection of existing and rukovodstvom the ecclesial and ecclesio-civil decrees on Department of Orthodox confession]. Т. 1. SPb. XX, 663, CLXXVIII p. [in Russian]
- Bobrishchev-Pushkin, 1902** – *Bobrishchev-Pushkin A.M.* (1902). Sud i raskol'niki-sektanty [The Court and the dissenters sects]. SPb.: Senatskaia Tipografiia. 207 p. [in Russian]
- Chichinadze, 1899** – *Chichinadze D.V. (1899)*. Sbornik zakonov o raskole i sektantakh, raz'iasnennykh resheniiami pravitel'stviushchego senata [Chichinadze Collection of laws about the division and sects, explained by the decisions of the governing Senate]. SPb, 166 p. [in Russian]
- Chteniia, 1914** – *Chteniia v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete* [Readings in Society of history and Russian antiquities under the Moscow University]. 1914. Kn. 1. 968 p. [in Russian]
- Ershova, 1999** – *Ershova O.P.* (1999). Staroobriadchestvo i vlast'. М.: Unikum-Tsentr, 1999. 204 p. [in Russian]
- ГААК** – Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia [State archive of the Altai territory].
- ГАТО** – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State archive of Tomsk region].

- Goneniiia, 1878** – Goneniiia na raskol v Zapadnoi Sibiri [The persecution of the split in Western Siberia]. *Nedelya*. 1878. № 38. pp. 1234-1237. [in Russian]
- Il'in, Marakulin, 2016** – *Il'in V.N., Marakulin D.A.* (2016). Gosudarstvenno-pravovoe reshenie staroobriadcheskogo voprosa v Rossiiskoi Imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [State-legal solution to the old believer question in the Russian Empire in the second half of XIX – early XX century]. *Altaiskii yuridicheskii vestnik*. № 3. pp. 7-12. [in Russian]
- Kartsov, 1971** – *Kartsov V.G.* (1971). Religioznyj raskol kak forma antifeodal'nogo protesta v istorii Rossii [Religious split as a form of anti-feudal protest in the history of Russia]. Ch.1. Kalinin. 159 p. [in Russian]
- Koni, 1905** – *Koni A.F.* (1905). Sudebnye rechi [Court speeches]. SPb 1905. 808 p. [in Russian]
- Kurs, 1871** – Kurs russkogo ugovonnogo prava [The Course of Russian criminal law]. Lokhvitskii A., d-r prav. 2-e izd., ispr. i dop. SPb.: Skoropechatnia Iu.O. Shreiera, 1871. 714 p. [in Russian]
- Kuvaitsev, 1886** – *Kuvaitsev N.* (1886). Novye zakony o raskol'nikakh [New laws on dissenters]. *Yuridicheskii vestnik*. T. XXI, Kniga 4, aprel'. № 4. pp. 716-38. [in Russian]
- Mamsik, 1987** – *Mamsik T.S.* (1987). Krest'yanskoe dvizhenie v Sibiri vtoroj chetverti XIX v [The peasant movement in Siberia in the second quarter of the XIX century]. Novosibirsk. 268 p. [in Russian]
- Manifest, 2010** – Manifest ob usovershenstvovanii Gosudarstvennogo poryadka. Istoriya gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenij v Rossii (X – nachalo XXI veka): khrestomatiya. Chast' I. X-nachalo XX v [Manifesto on improvement of State order. History of state-confessional relations in Russia (X-beginning of XXI century): reader's house. Part I. X-the beginning of XX century]. M., 2010. pp. 242-243. [in Russian]
- Mel'nikov, 1999** – *Mel'nikov F.E.* (1999). Kratkaia istoriia drevlepravoslavnoi (staroobriadcheskoi) tserkvi [The brief history of the old orthodox (old believers) church]. Barnaul, 557 p. [in Russian]
- Milovidov, 1969** – *Milovidov V.F.* (1969). Staroobriadchestvo v proshlom i nastoiashchem [Old believers in the past and present]. M., 125 p. [in Russian]
- Minenko, 1991** – *Minenko N.A.* (1991). Russkaya krest'yanskaya obshhina v Zapadnoj Sibiri XVIII-pervaya polovina XIX veka [The Russian peasant community in Western Siberia in XVIII – first half of XIX century]. Novosibirsk: NGU, 265 p. [in Russian]
- O poryadke..., 2010** – O poryadke obrazovaniya i dejstviya staroobriadcheskikh i sektantskikh obshhin i o pravakh i obyazannostyakh vkhodyashhikh v sostav obshhin posledovatelej staroobriadcheskikh soglasij i otidelivshikhysya ot pravoslaviya sektantov [About the order of education and action of old believer and sectarian communities and about the rights and duties of the followers of old believer agreements who are the part of communities and the sectarians who were separated from Orthodoxy]. Istoriya gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenij v Rossii (X-nachalo XXI veka): khrestomatiya. CHast' I. X-nachalo XX v. [History of the state and confessional relations in Russia (X – the beginning of the XXI Part I. X-the beginning of XX century)]. M.: Izd-vo RAGS, 2010. pp. 243-251. [in Russian]
- Reisner 1905** – *Reisner M.A.* (1905). Gosudarstvo i veruushchaia lichnost': Sbornik statei [The State and religious identity: Collection of articles]. SPb.: Tipografii t-va "Obshchestvennaia Pol'za", 423 p. [in Russian]
- Safonov, 2017** – *Safonov A.A.* (2017). Gosudarstvo i konfessii v pozdneimperskoi Rossii: pravovye aspekty vzaimootnoshenii [The state and confessions in late Imperial Russia: legal aspects of relations]. M. Izd-vo "Prospekt", 352 p. [in Russian]
- Smirnov, 1905** – *Smirnov P.S.* (1905). Novyi peresmotr uzakonenii o pravakh raskol'nikov [New revision of the laws on the rights of the schismatics]. *Khristianskoe chtenie*. №2. pp 215-236. [in Russian]
- SZRI** – Svod zakonov Rossiiskoi imperii [Collection of laws of the Russian Empire]. SPb., 1857. T. X. St 33. [in Russian]
- SZRI** – Svod zakonov Rossiiskoi imperii [Collection of laws of the Russian Empire]. SPb., 1900. T. XV. St. 206. [in Russian]
- SZRI** – Svod zakonov Rossiiskoi imperii [Collection of laws of the Russian Empire]. SPb., 1900. T. XIV. St. 36. [in Russian]
- Tikhomirov, Epifanov, 1961** – *Tikhomirov M.N., Epifanov P.P.* (1961). Sobornoe ulozhenie 1649 goda [The sobornoye ulozheniye of 1649]. M.: Izd-vo MGU, 414 p. [in Russian]
- Ulozhenie, 1867** – Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh, s privedeniem statei drugikh tomov Svoda zakonov, na kotorye sdelany ssylki i ukazaniia v etom ulozhenii [The penal Code and criminal corrections, bringing the articles to other volumes of the laws, to which reference is made, and specifying the the code]. M.: Tipografiia Shiuman i Glushkova, 1867. 623 p. [in Russian]
- Volkov, 1910** – *Volkov N.E.* (1881-1894). Ocherk zakonodatel'noi deiatel'nosti v tsarstvovanie imperatora Aleksandra III. 1881-1894 gg. [Essay on the legislative activities during the reign of Emperor Alexander III. 1881-1894 gg.]. SPb.: Tipografiia A. F. Shtol'tsenburga, 1910. IX, 372 p. [in Russian]
- Vvedenskii, 1912** – *Vvedenskii A.* (1912). Deistvuiushchie zakonopolozheniia kasatel'no staroobriadtsev i sektantov [Current regulations regarding old believers and sectarians]. Odessa. 205 p. [in Russian]

Правовое положение старообрядцев в контексте законодательных инициатив Российской империи в последней трети XIX – начале XX вв.

Петр Константинович Дашковский ^{a, *}, Всеволод Николаевич Ильин ^b

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^b Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Российская Федерация

Аннотация. В статье подробно анализируются правовые основы, а также некоторые архивные документы, отражающие деятельность старообрядцев в системе государственно-конфессиональных отношений Российской империи во второй половине XIX в. Основное внимание уделено анализу изменения положения старообрядцев в связи с принятием ряда законов в последней трети XIX – начале XX вв. Несмотря на внешнюю либеральность законов указанного периода, в целом они носили половинчатый и ограниченный характер и фактически не давали старообрядцам широких гражданских и религиозных свобод, на которые они рассчитывали. В рассматриваемый период государство по-прежнему пыталось решить «старообрядческий вопрос», но преимущественно через интеграцию старообрядчества с государственной Русской православной церковью. Однако в действительности это фактически означало бы подчинение последней и стирание конфессиональной специфики старообрядчества. В то же время новые правовые постановления имели и некоторые положительные моменты, поскольку уже не предусматривали запретного или тем более карающего характера. Законодательные постановления 1874 г. и 1883 г. фактически демонстрировали, что государство покровительствует и одинаково охраняет личные гражданские права старообрядцев, как и других своих подданных, но при этом подчеркивалось, что власть не признает в «раскольнических» толках особенного законного сословия.

Ключевые слова: старообрядчество, государственная религиозная политика, Российская империя, право.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dashkovskiy@fpn.asu.ru (П.К. Дашковский), vse-ilin@mail.ru (В.Н. Ильин)